

моск. новости. - 1994. - 30 янв. - 6 февр. - с. 5А.

Нам остается поминальная молитва

Вечером 29 января Евгений Павлович Леонов, собираясь на работу в спектакле «Поминальная молитва», дома, уже одеваясь, упал и мгновенно умер. Бог послал ему легкую смерть, а всем нам — тяжелое чувство невосполнимой утраты. Зрители, пришедшие в тот день на «Поминальную молитву», зажгли свечи и несколько часов простояли у стен театра в скорбном, тягостном прощальном молчании по великому артисту России.

Я первый раз увидел Леонова в Перми, где я тогда работал, где-то в 50-е годы, еще до его появления на киноэкране и той его фантастической популярности, которая пришла позднее. Мне довелось видеть нескольких великих артистов старого мхатовского поколения, я видел замечательные работы зарубежных мастеров, но, наверное, самым сильным впечатлением моей театральной жизни осталась та пермская встреча с Евгением Павловичем Леоновым в образе Лариосика из «Дней Турбиных» Булгакова. Леонов-Лариосик мне врезался в память, меня ошеломил этот смешной, беззащитный человек, уморительный, трогательный до слез, поднявшийся в моем сознании к той запредельной высоте, когда человеческая наивность обретает черты вселенской доброты и, стало быть, мудрости. Наверное, мудрость человеческая не есть сумма знаний и даже не качество интеллекта, а скорее свойство страждущей души.

Большинство зрителей воспринимало Евгения Павловича как легкомысленного, веселого добряка, человека, который, очевидно, много пьет, пьет с удовольствием и со всеми. Так многим казалось. Я был свидетелем многих таких достаточно беспардонных попыток общаться с ним. Он никогда не обижал, он вообще не любил обижать людей. Но он как-то очень тактично, деликатно, ловко и умно уходил от чересчур назойливого общения. Проникнуть дальше того предела, куда он пускал посторонних, было невозможно.

Он был учеником великой мхатовской плеяды актеров и из

первых рук получил те нравственные и эстетические основы русской театральной культуры, которую очень спокойно, ненавязчиво, не крикливо, а скорее тихо и сдержанно прививал в нашем театре, передавал нашей молодежи. У него всегда все было не просто, и как истинно комедийный артист он был чаще всего сумрачен, замкнут, молчалив и почти всегда недоволен собой. У него была трудная жизнь и в личном плане, несмотря на всю его славу, она не упростилась и не стала лучше к концу его дней. Его часто обуревали сомнения, ему хотелось собственных поступков на сцене и на экране. Наверное, поэтому он очень много сделал людям подарков.

Леонов стал истинно народным артистом, сыграв в фильме Андрея Смирнова «Белорусский вокзал» одного из тех русских людей, которые не слишком-то преуспели в жизни, но зато сохранили какие-то глубинные, сердечные качества, которые он очень хорошо знал, понимал и чувствовал как никто другой.

Потом была галерея замечательных работ в кинематографе — и смешных и очень трогательных; были замечательные работы на сцене московского «Ленкома». Это и Вожак из «Оптимистической трагедии», и чеховский Иванов, и, наконец, его прощальная работа — Тевье-молочник в «Поминальной молитве», написанной Григорием Горным по мотивам Шолом-Алейхема. Эта «Поминальная молитва», вероятно, останется с нами навсегда, всегда будет звучать в наших душах.

А сегодня каким-то странным, может быть, подлым образом во мне борются два чувства, два тягостных ощущения. Это чисто человеческое чувство потери уникального человека, с которым я никогда больше не смогу общаться, ничего с ним не смогу создать на сцене. И второе — ощущение нокаутующего удара, который получил наш театр. Так уж мы устроены, для нас все-таки самое главное — это дело, работа. Может быть, нам не хватает культуры, но я лично не жалею, что наше увлечение своим де-

ВО МНЕ

Марк ЗАХАРОВ,

главный режиссер «Ленкома»

лом, своим предназначением выходит за рамки средневропейских стандартов. Поэтому и со смертью Евгения Леонова передо мной встает вопрос будущего нашего театра, его репертуара, его возможностей. Судьба в последнее время жестока к «Ленкому». Мы потеряли двух уникальных актеров: сначала Татьяну Пельтцер, сейчас — Евгения Леонова. И если в каких-то других экстремальных ситуациях, которые всегда возникают в театре, можно было думать о каких-то вариантах, осуществлять какой-то кадровый поиск, поиск замены, извините за это слово, то утрата Леонова невосполнима, по крайней мере в ближайшие годы. Наверное, и в ближайшие десятилетия.

Я знаю, что мы очень талантливы, наш народ талантлив и будут еще рождаться большие, серьезные мастера сцены, но вот такого человека, как Евгений Павлович, конечно, в моей жизни и в жизни моих товарищей больше не будет никогда. Это для меня очень важно, это меня очень тревожит, и единственное, что прощает мне эгоистическое чувство, — жизнь самого Евгения Леонова, принадлежавшая театру.

Пусть успокоится его светлая душа, Царство ему небесное.

Леонов Евгений

30.1.94